

СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

МОДА И ОБЫЧАИ

АЛЕКСАНДР ГОФМАН

МОСКВА

Существовала ли мода всегда и везде или же она составляет принадлежность только определенных исторических эпох и культурных ареалов? Каковы немодные или антимодные формы социальной регуляции? В какой мере к моде можно отнести разного рода массовые увлечения, поветрия, бумы к т. п.?

На эти и на некоторые другие вопросы отвечает предлагаемая вашему вниманию статья. Ее главная задача — очертить границы собственно моды и углубить представление о ее месте в системе социальной регуляции в целом.

Монтень не прав: обычаю надо следовать потому, что он обычай, а вовсе не из-за его разумности.

Блез Паскаль. Мысли

По старой вере, да по новой моде.

Русская поговорка

Перечислим для начала некоторые характерные черты тех социальных систем, в которых действует мода.

1. Динамичность. Общество стремится к изменениям, осуществляет их, обладает достаточно высоким инновационным потенциалом.

2. Открытость. Общество стремится к разнообразным контактам с другими обществами, осуществляет их, обладает развитыми средствами и каналами коммуникации.

3. Избыточность. В обществе существует развитая система тиражирования материальных и духовных благ, некоторая избыточность разнообразных и конкурирующих между собой

Александр Бенционович Гофман (1945) — кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник ИСАИ, член Союза дизайнеров. Автор многочисленных трудов в области истории социологии, социологии массового потребления, индустриального дизайна и моды.

культурных образцов, из которых может осуществляться выбор индивидами, группами и массами (группами групп).

4. Социальная дифференциация и мобильность. Общество неоднородно в социальном отношении, оно раздельно на различные классы и другие социальные группы. Однако в отличие от сословий и каст эти группы не разделены между собой непреодолимыми барьерами. Они могут подражать друг другу, заимствовать друг у друга культурные образцы, в них существует мобильность: вертикальная (переход индивидов из одной группы в другую с повышением или понижением социального положения) и горизонтальная (переход индивидов из группы в группу с сохранением прежнего социального положения).

Соответственно, мода отсутствует в обществах 1) статичных; 2) закрытых; 3) со строго ограниченным набором благ и культурных образцов; 4) социально однородных или, наоборот, с жестко фиксированной иерархией социальных групп (касты, сословия), между которыми не может производиться свободный обмен индивидами и культурными образцами.

Стремясь зафиксировать наиболее существенное в обществах этого типа, социологи обозначали его по-разному. К. Маркс часто обозначал его термином «Gemeinwesen» (буквально: «общее существо»), подчеркивая в нем роль кровного родства, общность собственности, языка и обычаев, простоту и однородность социальной структуры. «Во всех этих формах основой развития является воспроизводство заранее данных (в той или иной степени естественно сложившихся или же исторически возникших, но ставших традиционными) отношений отдельного человека к его общине и определенное, для него предопределенное, объективное существование как в его отношении к условиям труда, так и в его отношении к своим товарищам по труду, соплеменникам и т. д....»¹. По Марксу, Gemeinwesen в большой мере отличает все докапиталистические формации.

Немецкий социолог Ф. Теннис (1855—1936) характеризовал подобный тип как «общность», или «общину» («Gemeinschaft»). «Общину», основанную на чувстве, он противопоставлял «обществу» («Gesellschaft»), базирующемуся на рассудке². Французский социолог Э. Дюркгейм (1858—1917) описывал этот тип как общества «с механической солидарностью» (основанные на полном поглощении индивидуального сознания коллективным) в противовес обществам с «органической

солидарностью» (основанным на разделении общественной труда, взаимозависимости и взаимообмене)³.

Перечень подобного рода обозначений можно было бы продолжить, но наиболее распространенным из них в социологии стал, пожалуй, термин «традиционное общество». И объясняется это, по-видимому, тем, что, несмотря на все многообразие обществ, относимых к «традиционному» типу, их объединяет то, что они управляются обычаем.

Каждый тип общества порождает соответствующие ему формы социальной регуляции, т. е. такие формы, которые способствуют сохранению, укреплению и развитию его базовых черт. Обычай в традиционных обществах — универсальная форма социальной регуляции. В этих статичных и закрытых обществах он играет такую же регулярную роль; какую в обществах динамичных и открытых (называемых условно «современными») играет мода.

Как уже отмечалось, исторически мода выросла из обычая, и еще Адам Смит сравнивал эти два регулятора между собой. Но наибольшее значение сравнительному анализу моды И обычая придавал французский социолог и социальный психолог Габриэль Тард (1843—1904), высказавший ряд глубоких и тонких замечаний относительно соотношения этих двух явлений⁴. Любопытно, что в теории Тарда не подражание составляет механизм усвоения и распространения обычая и моды, как это принято считать, а наоборот, обычай и мода суть сменяющие друг друга средства и формы подражания. Объясняется это тем, что французский ученый считал подражание основным социальным процессом, имеющим универсальное значение.

Термин «обычай» нередко отождествляется с термином «традиция» и «обряд» («ритуал»). Однако если стремиться к точности в терминологии, то важно иметь в виду, что мы имеем здесь дело с различными понятиями. Традиция охватывает гораздо больший круг социальных явлений, в той или иной мере она распространяется на все культуры и области социальной жизни. Сфера же действия обычая гораздо уже; он составляет лишь наиболее жесткую и неуклонную реализацию традиционных предписаний.

Ритуал — это разновидность обычая, выступающая только как символическое выражение определенных социальных отношений. Но помимо этих «ритуальных» обычаев существуют и такие, которые служат средством практического использования и преобразования различных объектов. В целом

символическое («ритуальное») и утилитарно-практическое начала в обычае тесно переплетаются между собой, так же, впрочем, как это происходит и в моде.

С точки зрения социологии обычай представляет собой социально унаследованный стереотипный способ поведения, который постоянно воспроизводится в определенном обществе или социальной группе и является привычным для их членов⁵.

Обычай выполняет ряд важных социальных функций. Он служит средством приобщения индивидов к определенному социальному и культурному опыту (функция социализации), передает его от поколения к поколению в рамках общества или группы (функция трансляции культуры), регламентирует поведение индивидов (функция социального контроля), поддерживает социальную и внутригрупповую сплоченность (функция социальной интеграции), освящает социальные отношения и различные объекты, как реальные, так и воображаемые (функция сакрализации)⁶.

В роли обычаев могут выступать нравственные нормы, производственные навыки, религиозные обряды, гражданские праздники и т. д.

Что общего между обычаем и модой? Прежде всего это, конечно, их регулятивная роль, тот факт, что для соответствующих типов общества они выступают как механизмы социальной регуляции поведения: с одной стороны, желаемые (социальные ценности), с другой — обязательные (социальные нормы).

Ценностно-нормативная природа обоих этих регуляторов обуславливает и такое их свойство, как «общепринятость». Правда, в обычае эта общепринятость является повсеместной, охватывающей всех членов общества (группы) одновременно, а в моде — неполной и неодновременной, поскольку в каждый данный момент к определенному модному стандарту подключена только часть участников моды. И в обычае, и в моде нередко имеет место высокая степень интериоризации, «овнутрения» социальных норм и ценностей, которые вследствие этого не ощущаются индивидами как нечто внешнее, чуждое и давящее⁷. Как обычай, так и мода в той или иной мере порождает стандартный, стереотипный характер культурных образцов.

И все же между обычаем и модой больше различий, чем сходства. Если в моде одна из главных ценностей — современность, то в обычае, который (по определению) воспринят у предыдущих поколений, главное — это прошлое. Отсюда

распространенный мотив поведения в традиционных обществах, часто фиксируемый этнографами: «Наши предки всегда так поступали». Заветы предков, реальных и мифических, служат постоянным ориентиром и эталоном для традиционного поведения, а социальный контроль осуществляется как бы из прошлого. В отличие от моды в прошлое переносится время выбора и ответственности за те или иные акты и эталоны поведения. Отсюда же и ведущая роль старшего поколения, распространенность геронтократии в традиционных обществах; ведь старики — живое воплощение прошлого и образец для будущего. Такое положение также контрастирует с регуляцией посредством моды, при которой важную роль в формировании и распространении культурных образцов играет молодежь.

Из предыдущих различий вытекает различие, связанное с отношением к инновациям. Если в моде происходит постоянная смена культурных образцов (хотя изменения не обязательно носят радикальный характер), то обычая, как уже отмечалось, свойствен мизонеизм, отрицательное отношение к инновациям. В моде вследствие смены модных стандартов время носит прерывный, дискретный характер. В обычае, наоборот, время непрерывно, континуально, так как культурный образец, выступающий как канон, постоянно воспроизводится в неизменном виде.

Временные различия дополняются пространственными (речь идет, разумеется, о социокультурных понятиях пространства и времени). Ценности универсальности (диффузности), присущей моде, противостоит ценность социокультурной замкнутости, присущей обычаю. Отсюда резкое и однозначное противопоставление понятий «мы» и «они», «свое» и «чужое» при регуляции посредством обычая и нечеткости такого противопоставления при регуляции модой⁸.

К традиционному типу, управляемому обычаем, относится огромное множество обществ, существовавших и существующих на земле и изучаемых такими науками, как история, этнография, социальная и культурная антропология. Это прежде всего так называемые «первобытные» общества (обозначаемые в науке также как «примитивные», «доисторические», «нецивилизованные» и т. п.). Так, например, американский исследователь Ф. Кэшинг, долгое время изучавший индейцев зуньи и усыновленный племенем, подчеркивал у них чрезвычайную устойчивость предметных форм, вплоть до мельчайших деталей орнамента. Домашняя утварь, лук, стре-

лы, дубины и прочее оружие воспроизводятся и используются по тем канонам, которые были завещаны предками. Индейцы Британской Гвианы, как свидетельствовал этнограф Бернау, «обнаруживают поразительную ловкость в изготовлении некоторых предметов; они, однако, никогда их не улучшают. Они делают их точно так же, как делали их предки до них»*. Обобщая эти и подобные факты, известный французский ученый Л. Леви-Брюль писал: «Самое незначительное на вид новшество открывает доступ опасностям, оно может развязать враждебные силы, вызвать гибель самого новатора и тех, кто с ним связан»¹⁰.

А как обстояло дело в античных обществах? Идея прогресса им неведома. Напротив, известно, что мировоззрение древних греков было пронизано идеей регресса. Так, поэт Гесиод (VIII-VII вв. до н. э.) представил эту идею в виде последовательной смены веков: золотого, серебряного, медного, героического и железного. Вот почему воспекает он «светлое прошлое», на которое необходимо равняться:

В прежнее время людей племена на земле обитали,
Горестей тяжких не зная, не зная ни трудной работы,
Ни вредоносных болезней, погибель несущих для смертных.
(Труды и дни, 90-92. Пер. В. В. Вересаева).

Эта особенность эллинского мировоззрения обусловила канонический характер ремесла и искусства древних греков. В общем аналогичную картину мы обнаруживаем и в древнем Риме. У Горация читаем:

Чего не портит пагубный бег времен?
Ведь хуже дедов наши родители,
Мы хуже их, а наши будут
Дети и внуки еще порочней>.

(Гораций. Оды, III, 6, 46-49. Пер. Н. Шатерникова).

Подводя итог рассмотрению подобных представлений древних, историк Г. С. Кнабе подчеркивает, что развитие в античности и, в частности, в древнем Риме, «выражалось главным образом не в росте производства, а в росте обмена и денег; общество же, в основе своей живущее землей и ее плодами, не могло поглотить эти деньги, обратить их на усложнение производства, на промышленность, науку и технику, на саморазвитие. В глубинах оно оставалось тем же примитивным аграрным организмом, выше всего ценившим свою неизменность и свое прошлое, на них ориентировавшим свои нормы и ценности...»¹¹

Очевидно, что в таких условиях ни в античности, ни, тем более, в первобытных обществах, о моде как таковой говорить не приходится. Так же обстояло дело и в средневековой Европе, где власть обычая распространялась на методы изготовления ремесленных изделий, на способы обработки земли, на взаимоотношения сеньора и вассала, мастера и подмастерья, религиозную практику, отдых и т. д.

«...Обычай казался предосудительным главным образом тогда, когда он был достаточно молод. Идет ли речь о какой-нибудь реформе церкви или о процессе между сеньорами-соседями, авторитет прошлого мог быть поколеблен, только если ему противопоставляли еще более почтенное прошлое»¹²; — писал известный французский историк М. Блок.

Труд ремесленника был направлен в конечном счете на точное, часто виртуозное, копирование традиционного канонического эталона, которому приписывалось божественное происхождение. «...Множество различных, но однотипных вещей являют собой как бы пирамиду; на ее вершине — вещь, имеющая образцовую форму, которая совпадает с божественной идеей. Задача мастера — максимально точно воспроизвести божественный первообразец, степенью приближения к нему и определяется его мастерство»¹³.

Одежда в средневековой Европе почти не изменялась на протяжении столетий. До XII века европейский костюм оставался, по существу, галло-римским: хитоны до пят у женщин и до колен — у мужчин¹⁴. Естественно, абсолютной неподвижности быть не могло, поэтому какие-то незначительные изменения в костюме в конце концов все же происходили, например, удлинение мужской одежды в XII веке. В этом случае они вызывали резкую критику на уровне идеологии и возмущение на уровне психологии. В известном смысле критика моды возникла раньше самой моды. Так уже нормандский хронист Ордерик Виталий (1075-1042) сокрушался по поводу «безумств моды» в его время: «Старый обычай почти полностью потрясен новыми выдумками»¹⁵.

Дальнейшая очень медленная эволюция европейского костюма, в сущности, единого в своих базовых чертах, состояла в постепенном формировании национальных, точнее, региональных костюмов. Это относительное и неподвижное разнообразие европейского костюма сохранялось в целом до XIX века. Оно, правда, нарушалось, особенно начиная с XVIII в., постоянными заимствованиями и изменениями в одежде высших слоев: знати и богатеющей буржуазии, ибо

одежда последних всё в большей степени выходила из-под контроля обычая и попадала под власть моды. Но эти слои составляли незначительное меньшинство, которому основная масса не имела ни возможности, ни желания подражать. Подавляющее большинство населения продолжало жить и одеваться так, как завещали предки, то есть по обычаю. От старших поколений наследовались не только стиль, материал, методы создания одежды, но и сама одежда, служившая потомками до полного физического износа и не знавшая износа морального. Этим подавляющим большинством, составлявшим еще в XVIII веке в некоторых странах до 90% населения, было крестьянство, класс, жизнедеятельность которого базируется на обычае.

Еще в большей мере, чем на одежду, власть обычая распространялась на домашнюю утварь и, конечно, на сам дом. И здесь тоже дело обстоит так вплоть до XIX века". По словам Ф. Броделя, «всякий дом строился или перестраивался по традиционным образцам. Здесь сила прецедента ощущалась более, чем где бы то ни было»¹⁷.

Но если мода в начале Нового времени начинает влиять на некоторые фрагменты и высшие слои европейских обществ, то страны Востока и в это время продолжают целиком жить под властью обычая. Так было в Индии, Японии, Китае, Турции и многих других странах Азии и Африки. Одежда, не говоря уже о более консервативных элементах культуры, подчинена обычаю и свободна от влияния моды. Дипломат и востоковед Мураджа д'Оссон (1740-1807) в своей «Общей картине Оттоманской империи» свидетельствовал: «Моды, кои суть тиран европейских женщин, почти не волнуют сей пол на Востоке, там почти всегда одна и та же прическа, тот же покрой одежды, тот же вид ткани»¹⁸.

Итак, ведущая роль обычая как механизма социальной регуляции неразрывно связана с монотонностью социальной жизни, стабильностью ее внешних и внутренних условий, неразвитостью контактов с другими культурами. В результате ряда социально-экономических, политических и культурных процессов, отчасти рассмотренных выше¹⁹, господство обычая в европейских обществах XIX—XX веков оказалось в значительной мере подорванным. Речь идет о таких процессах, как резкий сдвиг в производительных силах, технологические новшества, революционные изменения в общественных отношениях, усиление социальной мобильности, расширение контактов между различными культурами, секуляризация со-

циальной жизни, развитие и распространение научных знаний. В этих условиях обычай из функционального превращается в дисфункциональный элемент культуры.

2. Обычай и мода в современных обществах

На смену обычаю в качестве регулятора многих сторон повседневной жизнедеятельности приходит мода. Очевидно, однако, что для выполнения функций, жизненно важных для социального организма, моды отнюдь недостаточно. Необходим гораздо более мощный, чем мода, регулятивный механизм, способный обеспечивать целостность, преемственность и изменения в современных социальных системах. И в то же время он должен быть более гибким, подвижным и универсальным, чем обычай. Таким механизмом является **социальный институт**. Именно он в современных обществах выступает в качестве главного заместителя обычая.

Правда, социальные институты, подобно моде, исторически также возникают из обычая, и многие из них носят традиционный характер. Этнографы нередко сами обычаи рассматривают как социальные институты, например, институты родства, наследования и т. п. К тому же существует множество переходных форм между обычаями и институтами, к примеру, нормы так называемого обычного права: обычаи, юридически оформленные, кодифицированные и систематизированные (скажем, индийские «Законы Ману», «Салическая правда» у древних германцев или «Русская правда» у древних славян).

И тем не менее, социальный институт в развитой форме существенно отличается от обычая. В отличие от обычая, детально регламентирующего поведение в традиционном обществе, институт содержит лишь общие социальные рамки поведения индивидов, затрагивает только главные его элементы. Если обычай — это способ поведения, то институт — скорее его условие. Институциональные нормы в значительной мере формализованы, объективированы, воплощены в культуре особыми средствами, тогда как обычай опирается только на практическое воспроизведение и существует лишь постольку, поскольку ему следуют в обществе или группе (так происходит, например, в фольклоре, основанном на устной традиции). Институты возникают и функционируют тогда, когда происходит дифференциация социальной жизни на отдельные сферы (экономику, политику, образование и

т. п.), а родовые связи отступают на второй план. Важное значение в процессе перехода к регуляции социальными институтами имеет автономизация личности, ее выделение из первобытного коллектива, из сословия или касты. Социальные институты нередко связаны с функционированием больших организаций.

У читателя может возникнуть вопрос, причем **вполне** естественный: а не является ли мода сама социальным институтом или совокупностью институтов? Ведь существует же множество разного рода учреждений и организаций, связанных с индустрией моды: дома моделей, журналы мод, реклама и т. п.? Все это так, и тем не менее, в основе своей мода — регулятор неинституциональный. Названные институты служат инструментами (более или менее мощными и эффективными) реализации неинституциональных по природе принципов, установок и ориентаций. Прежде всего, как уже отмечалось, в моде, поскольку она остается **модой**, а не превращается в нечто иное, ценностное начало в целом преобладает над нормативным, характерным, как правило, для социальных институтов. Самое же главное в том, что **в моде** институциональные аспекты подчинены стихийно формирующимся тенденциям социокультурной инновации и массового отбора соперничающих культурных образцов. Самоорганизация в целом доминирует над организацией, подчиняет ее себе. Отдельные элементы и подсистемы моды могут институционализироваться и организовываться, однако вся она в целом ускользает из-под власти каждого из них.

Хотя мода теснейшим образом переплетается с экономическими институтами, она все же автономна по отношению к ним, и многочисленные попытки подчинить ее, не подчиняясь ей, заканчивались провалом. То же самое еще в большей мере относится к институтам власти: даже самые деспотичные и свирепые правители, объявлявшие войну моде, не могли одержать над ней победу, если в обществе существовали хотя бы минимальные условия для ее существования.

Социальные институты: экономические, политические, нравственные, образовательные и прочие — играют в современном обществе главенствующую роль, определяют его сущность и облик. Именно они определяют в современную эпоху сходства и различия между различными социальными системами. Они же определяют и денотативные ценности

такой формы социальной регуляции, как мода. Значения модных стандартов, их интерпретация и реальное воздействие зависят от того, на какую институциональную почву они попадут.

Существует еще один механизм социальной регуляции, о котором необходимо упомянуть. Это разнообразные социальные движения. В своей основе они неинституциональны (или антиинституциональны) и немодны (или антимодны), хотя могут переплетаться с институтами и модой и включаться друг в друга. Особенность социальных движений как регулятора поведения особого рода состоит в том, что их деятельность основана на организации, уставе и, главное, определенной программе, которые в свою очередь играют для их участников ценностно-нормативную роль. Ту же роль в этих движениях, как и в социальных институтах, играют разного рода внешние символы, ритуалы, песни и т. п.

А как же обычай в эпоху господства социальных институтов, социальных движений и моды? Можно ли считать, что сегодня обычаи канули в небытие? На последний вопрос следует ответить отрицательно.

С одной стороны, обычаи смещаются с базового ценностно-нормативного уровня культуры на инструментальный уровень, реализуя те предписания, которые исходят от институтов, социальных движений и моды, иногда включаясь в них непосредственно. Поэтому одни и те же обычаи могут быть и орудием революционных изменений, и средством консервации отживших социальных форм, в зависимости от того, в какую, скажем, систему институтов они включены.

В то же время нередко имеет место и обратный процесс, когда под маской современного института и новомодной социальной символики скрывается архаический обычай. Факты подобного рода мы встречаем в XX веке очень часто в самых различных районах земного шара. К ним относятся, например, факты кастового деления под видом профсоюзов в Индии, родо-племенные образования в форме государственно-политических в Африке, конфуцианские установления под социалистической оболочкой в маоцзедуновском Китае, родовые связи, обычаи, взятки под маской партийно-государственных и экономических отношений в СССР в период «застоя».

Было бы ошибочно думать, что в современных обществах, где господствуют социальные институты и мода, обычай исчез и перестал выполнять свои функции. Он продолжает выполнять отмеченные выше пять социальных функций на

инструментальном уровне культуры. Но помимо этого ОИ занимает нередко ведущее место в тех секторах социальной жизнедеятельности, которые так или иначе воплощают в себе традиционное общество. В наиболее чистом виде обычаи в современных обществах функционируют в некоторых важных сферах быта и морали (нравы). Этому регулятору в большей степени подчинены гражданские праздники и ритуалы, дипломатический протокол и, конечно, сфера семейно-родственных отношений. Питание, хотя и подвергается воздействию моды, тем не менее, в значительной мере остается во власти обычая. Ряд конвенциональных норм поведения также выступает в роли обычаев; к ним относятся, в частности, устойчивые формулы вежливости, этикет, регулирование дорожного движения (правосторонность, дорожные знаки и т. п.).

Даже в одежде, которую мы привыкли, и не без основания, считать царством моды, обычай занимает все же немаловажное место²⁰. Базовые культурные образцы в одежде, по существу, выступают в роли обычаев. К примеру, фасоны брюк изменяются под влиянием моды, но само по себе ношение брюк как таковых — это обычай.

Некоторые социальные системы, подсистемы и социальные группы представляют собой своего рода острова или архипелаги традиционного общества внутри современного. Обычай для них составляет единственно приемлемый, а мода, как правило, неприемлемый, решительно отвергаемый способ социальной регуляции. Как уже отмечалось, крестьянство жило прежде всего согласно обычаю. Вплоть до XX века домашняя утварь, одежда, повседневная жизнедеятельность крестьянства в самых различных странах носит в значительной мере традиционный характер. Известно, что даже и в наше время, несмотря на урбанизацию и разрушения, которые пришлось испытать деревне, влияние обычаев в ней гораздо сильнее, чем в городе, а влияние моды — слабее. Неудивительно, что некоторые писатели — «деревенщики», обосновывающие превосходство деревенского образа жизни и крестьянской культуры (правда, сами живущие чаще всего в городе), резко осуждают моду как таковую и связанные с ней бытовые вещи, музыку, танцы и т. п.

В мотивах идеологии крестьянского традиционализма смещалось многое. Здесь и естественная боль, вызванная жестоким и бессмысленным уничтожением крестьянского жизненного уклада во время коллективизации и позднее, и

реакция на длительное и высокомерное третирование «деревенщины» как чего-то неполноценного и ущербного (комплекс превосходства в данном случае, как это часто бывает, — обратная сторона комплекса неполноценности), и идеализация патриархальной крестьянской культуры, выдвигаемой как здоровая альтернатива «порочной» и «беспочвенной» городской цивилизации, лишенной «корней». Вместе с разоблачением моды и воспеванием обычая в этой идеологии прослеживаются и уже знакомые нам черты управляемых обычаем традиционных обществ: отрицательное или настороженное отношение ко всяким нововведениям (мизонеизм) и «чужакам» (ксенофобия), постоянное стремление делить социальный мир на «мы» и «они» и т. п.)²¹.

Или возьмем, например, армию. Взаимоотношения в ней в большой мере строятся на обычаях (как зафиксированных в уставе, так и «внеуставных»). Военная униформа, военные ритуалы, включая словесные формулы и жесты — все это регулируется обычаем. мода здесь считается в общем неуместной и нежелательной, идет ли речь об одежде, прическе или о других явлениях повседневности.

Особый род ценностей и связанных с ними социальных форм, основанных на обычае, составляют сакральные, или священные ценности. Эти ценности являются объектом интенсивного почитания, они неизменны и неприкосновенны, а нарушение их неприкосновенности вызывает жесткие негативные санкции в обществе или группе, где они исповедуются. Священные — результат исторического процесса сакрализации, «освящения».

Предписания обычая священны как в позитивном плане, предписывая, что нужно, так и в негативном, предписывая, что нельзя (табу). Позитивному священному, условно говоря, царству бога часто противостоит тесно связанное с ним негативное священное царство дьявола (анти-бога). Последнее так же священно, как и первое, хотя и со знаком «минус»; по выражению французского социолога Э. Дюркгейма, анти-бог — тоже бог.

Священные объекты могут существовать реально или только в воображении людей. Ими могут становиться идеи, материальные объекты, люди, жесты, цвета и т. д. Атрибутами священности в истории наделялись и наделяются явления неживой природы, растения, животные, предки, политические вожди.

Область священного в социальной жизни — это, конечно, прежде всего, религия. Она же — царство обычая. Отсюда традиционный и архаичный характер церковного одеяния, языка, музыки. Отсюда и традиционное неприятие моды в "различных религиях, в том числе в православии. Еще в середине прошлого века известный церковный деятель протоиерей Амвросий писал «...Горько становится и больно сердцу, когда посмотришь, какие нравственные опустошения производит у нас мода, какие ложные понятия она поддерживает, какие пороки питает и плодит»²².

Но и светские культы разного рода в принципе враждебны моде. Это относится главным образом к тоталитарным политическим режимам, в которых осуществляется сакрализация единого «народа» и его «врагов» («мы» и «они»), насаждается культ власти и вождей, выступающих от имени «народа». В период третьего рейха в Германии и сталинского террора в СССР всякие проявления моды, будь то одежда или изобразительное искусство, оказывались под подозрением. Широкое распространение в то время получили разного рода униформы²³, что еще раз подтвердило справедливость утверждения А. И. Герцена: «Мундир и однообразие — страсть деспотизма»²⁴.

Правда, следует иметь в виду, что священные ценности необходимы для нормального функционирования общества, социальных групп и индивидов. Они составляют то ценностное ядро, которое способствует преемственности и самотождественности социального и индивидуального Я и вокруг которого, как электроны вокруг физического ядра, располагается ценностная периферия. Существуют ценности, священные для всего человечества; они зафиксированы, в частности, во Всеобщей Декларации прав человека, принятой в 1948 году Генеральной Ассамблеей ООН. Кроме того, каждое общество обладает своим набором священных для него ценностей, которые носят незыблемый характер и с трудом поддаются изменениям. Такие же ценности присущи социальным группам и индивидам. Отступление от них, стремление заменить их другими ценностями часто воспринимается как угроза целостности социального организма, оскорбление или предательство²⁵. Поэтому вторжение моды в эту область наталкивается на сильное противодействие. То, что по-настоящему дорого человеку как индивиду и социальному существу, не сменяется подобно модным стандартам и не может базиро-

ваться на таких первичных ценностях моды, как, скажем, игра или демонстративность.

В самом деле, если бы ежегодно или даже раз в столетие обновлялись фундаментальные представления об общечеловеческих нормах нравственности, о ценности человеческой личности, о справедливости, милосердии и других результатах социального опыта человечества, то человеческая жизнь была бы невозможна. Она и становилась невозможной, когда подлинно священные ценности начинали подвергаться лихорадочной ломке, хотя и не под влиянием моды, но под воздействием разного рода утопий, призывавших к решительному пересмотру всего и вся и требовавших заставить «неразумное» человечество или «несознательный» народ сразу стать счастливыми.

Совсем иное дело — распространение священности на все социальные ценности и институты, на все аспекты поведения, на все человеческое существование. Такая тотальная сакрализация связана с окостенением социальных систем, она делает их нежизнеспособными в изменяющемся мире. Тотальная сакрализация имеет такие же плачевные результаты, как и тотальный нигилизм в отношении священного. И, конечно же, важнейшее значение имеет то, какие именно ценности сакрализуются, направлены ли они на благо человека и общества, не формируют ли образ священного врага («дьявола», «нечистой силы» и т. п.).

Сфера моды резко ограничивается и в больших социальных организациях, базирующихся на принципах формальной рациональности, полезности и эффективности. К ним относятся, в частности, мощные промышленные и торговые предприятия, фирмы и т. п. Значительная часть деятельности этих организаций нередко базируется на обычае. Вырабатывается определенный фирменный стиль, возвеличивается история организации и личности основателей, внедряются особого рода ритуалы и праздники, униформа, гимн и т. д. Даже в одежде влияние моды ограничивается или осуждается. В известной книге американца Джона Моллоя «Одежда для успеха» (отрывки из нее публиковались в новосибирском журнале «Эко»), содержащей практические советы в области деловой одежды, специальный раздел, озаглавленный «Почему опасны дизайнеры моды», посвящен отрицательно влиянию моды на одежду делового человека²⁶. Согласно Моллою, модная одежда нужна только для досуга, но не для работы. С его точки зрения, причины «опасности» модного дизайна

одежды состоят, во-первых, в римском происхождении многих дизайнеров, переносающих на американскую почву чужие стандарты²⁷, во-вторых, в привязке интересов дизайнеров к интересам производителей, стремящихся выколотить из потребителя побольше денег.

Обычай — антипод моды, но это не значит, что сам он, как уже отмечалось выше, не может наделяться модными значениями, иначе говоря, оказываться во власти моды. Это относится и к собственно архаическим, и к современным его разновидностям. Даже религия, в принципе противоположная моде, может вовлекаться в орбиту модного поведения. В наше время мода на религию — явление не такое уж редкое, хотя, разумеется, распространение религиозности связано отнюдь не только с модой. Вообще религия, конечно, не мода. Но даже животные, становясь элементом и объектом тотемических культов, оказываются вовлеченными в религиозную сферу. Таким же образом и мода способна наделять своими значениями самые различные ценности, в том числе и религиозные. Разумеется, мотивация религиозного поведения в этом случае существенно отлична от той, где мода не присутствует.

Теперь мы можем в общем виде ответить и на вопрос о том, когда в истории возникает мода. Предшествующее изложение подводит нас к выводу о том, что мода существовала не всегда и не везде; она представляет собой продукт исторического развития. Конечно, инновации и заимствования в культурных образцах не могли не иметь место, так как человеческая и, в особенности, социальная реальность открыта к изменениям и обмену по самой своей природе, динамичной и живой. Конечно, во всех обществах так или иначе культивировались присущие моде ценности игры и демонстративности. Конечно, всегда и всюду находились чудаки и маньяки, честолюбцы и завистники, творческие личности и революционеры, отступники и преступники, вносящие те или иные изменения в господствовавшие образцы, диктуемые обычаем. Но не они «делали погоду». На протяжении веков и на «западе», и на «востоке» господствовал «нормальный» социальный тип, управляемый обычаем, который для данного типа представлялся в свою очередь не только «нормальным», но и единственно возможным.

Правда, историки писали о расцвете моды в императорском Риме, при бургундском дворе XV века, в кругах европейской знати XVIII века и т. д.²⁸ Бессмысленно утверждать,

что они «неправильно» использовали понятие моды применительно к этим обществам, но можно уточнить, какая реальность в действительности скрывалась за употребляемым в данном случае понятием. Во-первых, речь идет о незначительных в количественном отношении, чрезвычайно малых островках изменчивости в моде неподвижности. Эта изменчивость касалась очень узких секторов культуры, социального поведения и социальных слоев (знати). Во-вторых, это были лишь зачаточные формы, эмбрионы того явления, которое впоследствии развилось в то, что мы сегодня называем модой. Очевидно, не всякое изменение в культурных образцах, в том числе в области одежды, вызвано модой.

Изменения, скажем, в античной или средневековой одежде, нередко обозначаемые как «мода», далеко не всегда базировались на таких важнейших первичных ценностях моды, как современность и универсальность (диффузность). Чаще всего это были своего рода униформы, одновременно и часто сменяемые знатью, подражавшей монарху, его фаворитам или фавориткам с целью выразить свою преданность, а иногда просто подчинявшейся монаршей воле. Такие первичные ценности моды, как игра и демонстративность, присутствовали в изменениях, но в очень ограниченных рамках социокультурного пространства и времени. В общем, о моде в античности можно говорить как о метафоре и прообразе будущего развитого социального явления, так же, как некоторые историки говорят о капитализме в древности.

Понятно, что возникновение моды, как и любого масштабного социального явления, невозможно и не нужно датировать так же точно, как исторические события, даже очень важные и длительные. Возникновение и социальное утверждение моды — **не событие, а процесс**, причем, процесс длительный, постепенно развивавшийся внутри и из старых социальных форм.

Некоторые из этих форм составляют постоянный и повсеместный социокультурный фон, на котором мода может возникнуть, а может и не возникнуть. К ним относятся те же ценности игры и демонстративности, присутствующие всегда и везде. Другие формы, предшествующие возникновению собственно моды, составляют результат исторического развития.

Возрождение принесло с собой первые слабые ростки моды. В XVIII веке мода стала влиять на поведение узких кругов знати, нарушавших национальную и региональную

замкнутость. Но только в XIX веке сформировалось породившее ее созвездие факторов: промышленная революция, технические нововведения, политические революции, ломка словесных, межнациональных и межрегиональных барьеров, урбанизация, массовизация социально-экономической и культурной жизни и т. д. Именно поэтому у нас есть основания утверждать, что в социально значимом масштабе мода возникает в европейском обществе в XIX веке. Если ранее существовали элементы моды в отдельных элементах социальной системы, то, начиная с этого времени, существует система моды в социальной системе. А в нашем столетии мода становится одним из социальных регуляторов поведения широких слоев населения индустриально развитых и, в какой-то степени, развивающихся стран.

1. **К. Маркс.** Формы, предшествующие капиталистическому производству // **К. Маркс и Ф. Энгельс.** Соч. Т. 46, ч. I. С. 475. Подробнее о категории «*Gemeinwesen*» см.: **Давыдов Ю. Н.** Социологическое содержание категории «*Gemeinwesen*» в работах К. Маркса // Социологические исследования. 1983. № 4.
2. **Tonnies F.** *Gemeinschaft und Gesellschaft.* Berlin, 1926.
3. **Дюркгейм Э.** О разделении общественного труда. Одесса, 1900
4. **Тард Г.** Законы подражания. СПб, 1892, С. 242-244.
5. **Гофман Л. Б., Леакович В. П.** Обычай как форма социальной регуляции // Советская этнография. 1973. № 1. С. 14.
6. Подробнее об этом см. там же, С. 15—20.
7. Характерно в этой связи высказывание одного старого индейца: «В старину не было никакого закона; каждый делал то, что было правильно» (*Kluckhohn C.* *Mirror for Man.* N.-Y.; Toronto. 1949. P. 29). Таким же образом и «тирания» моды ощущается обычно как тирания кем угодно, только не теми, кто находится под ее властью.
8. Существующие формы групповой идентификации в моде (например, в молодежных группах) носят чаще всего изменчивый и игровой характер. Границы «мы» постоянно размываются вследствие рассматриваемой ниже функции нивелирования, присущей моде.
9. См. **Леви-Брюль Л.** Первобытное мышление. М.-Л., 1930. С. 24.
10. Там же. Следует отметить, что этнографы и историки, занимавшиеся конкретным исследованием «первобытных» обществ, часто и справедливо подчеркивали неадекватность представлений об их неподвижности, так же, впрочем, как и об их замкнутости и полном поглощении коллективом индивидуального сознания и воли. Справедливо отмечая схематизм подобных воззрений, эти исследователи не смогли, однако, поколебать общую адекватность самой схемы. Разумеется, исторический материал всегда богаче тех общих понятий, в которые хотя бы его заключить, и совершенно неподвижных обществ не бывает.

К тому же в названных обществах существует циклические изменения, связанные с природными циклами, сменой времени года и т. п. Понятно, что «неподвижность» эту необходимо понимать в определенной системе координат, в соотношении с другими, более подвижными обществами. Когда мы говорим, что некий предмет находится справа, то мы подразумеваем тем самым, что он находится справа от другого предмета; это отнюдь не мешает ему располагаться слева от предмета, расположенного правее его.

- Н. **Кнабе Г. С.** Древний Рим — история и повседневность. М., 1986, С. 23.
12. **Блок М.** Апология Истории, или Ремесло Историка. М., 1986, С. 174.
13. **Харитонович Д. Э.** Средневековый мастер и его представления о вещи // Художественный язык средневековья. М., 1982, С. 35.
14. **Бродель Ф.** Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV—XVIII вв., Т. 1. Структуры повседневности. Возможное и невозможное. М., 1986, С. 338—339.
15. См: там же, С. 339.
16. Речь идет, конечно, не столько о выдающихся архитектурных творениях, сколько о «массовой жилой застройке» того времени, которая с точки зрения повседневности, «быта», важнее.
17. **Бродель Ф.** Материальная цивилизация..., Т. 1., С. 286.
18. **Бродель Ф.** Материальная цивилизация. , Т. 1., С. 334.
19. См. выше, С. 33—35.
20. Статьи, слово «костюм» происходит от слова «обычай» — лат. «*consuetudo*»; франц. «*coutume*»; итал. «*costume*»; исп. «*costumbre*»; англ. «*custon*».
81. О тесной взаимосвязи отрицательного отношения к моде, к нововведениям и к «чужакам» («внешним» и «внутренним»), о взаимозависимости традиционализма и ксенофобии свидетельствуют воззрения многих консервативных мыслителей разных стран и эпох. Так известный русский историк Н. Я. Данилевский (1822—1885), обосновывавший Превосходство «славянского типа» перед другими культурно-историческими типами и проповедовавший борьбу с «тлетворным влиянием» Европы, резко отрицательно относился к моде, связывая ее с праздноностью и пустотой светского общества, особенно женской его части. Любопытно, как сравнительно сложные философско-исторические построения соседствуют у этого философа с примитивным этноцентризмом и вульгарными этническими стереотипами. Так изменчивость моды, по Данилевскому, во многом зависит от того, что «управление модами попало в руки французов, народа легкомысленного и переменчивого по преимуществу» (Данилевский Н. Я. Россия и Европа. СПб, 1871, С. 289). Неудивительно, что его общие философско-исторические воззрения подверглись критике столь разных мыслителей, как Вл. Соловьев, Н. М. Михайловский и Н. И.; Кареев, увидевших в его концепциях разрыв с гуманистической и интернационалистской традицией русской культуры.
22. **Ключарев А.** Несколько замечаний о современных модах в одежде. М., 1861, С. 23.
23. Американские социологи Н. Джозеф и Н. Алекс проанализировали следующие социальные функции униформы: обозначение группы, к которой принадлежит индивид; фиксация статусов; подтверждение законности; подавление индивидуальности *Joseph N., Alex N. The Uniform: A Sociological Perspective // Amer. journal of Sociology. Vol. 77. № 4. Jan. 1972. P. 719-730.*

24. **Герцен А. И.** Былое в думы. Л., 1947, С. 234.
25. Следует, конечно, учитывать и широкое распространение спекуляции на священных ценностях и их использование в отнюдь несвященных целях социальными группами различного масштаба и индивидами. Такой тип сознания прекрасно выражен в классической позиции гоголевского городничего, который брал взятки, но зато был «тверд» в вере. Такого рода «верность принципам» — весьма распространенная форма оправдания, обоснования и «рационализации» откровенной или завуалированной беспринципности в морали, религии, политике и т. д.
26. **Molloy J.** Dress for success. N. Y., 1975. P. 4-5.
27. Здесь опять-таки обращает на себя внимание связь антимодных установок с отрицательным отношением к «чужакам».
28. См., например: Алпатов М. В. Всеобщая история искусств, М.; Л., Т. 1, С. 21.